

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры мировой
литературы и культуры имени
проф. О. Мишукова Херсонского
государственного
университета*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ГРОТЕСКА В АНТИУТОПИИ В. СОРОКИНА "ДЕНЬ ОПРИЧНИКА"

Футурологическая направленность современной прозы тесно связана с гротеском как способом художественной экстраполяции в виртуальный логический предел определенных нравственно-социальных проблем, настораживающих художника. Современная гротескная футурология представлена целым рядом произведений, среди которых – романы В. Войновича "Москва 2042", О. Славниковой "2017", Д. Быкова "ЖД", С. Доренко "2008", А. Смоленского и Э. Краснянского "Укрепрайон "Рублевка"" и др. А. Гаррос подчеркивает, что "эсхатологическая политпрогностика, писание антиутопий ближнего прицела стало, кажется, самым трендовым занятием русских сочинителей" [3]. А. Мережинская отмечает, что художественная эсхатология, развенчание тоталитарных мифов входят в число актуальных проблем исследования в современном литературоведении [8]. Писатели и ученые так или иначе поднимают вопрос о цикличности русской истории, которая "вечно ходит по одному "кругу, выложенному граблями", вечно повторяется – и фарс, в который неизбежно превращается очередной повтор, отлично может быть одновременно и трагедией: широкая родная натура легко вмещает и то, и другое" [3].

Одну из тем альтернативной истории в современной литературе представляет "перевернутая" футурология, где будущее реконструируется из реликтов прошлого. Такова макро-конструкция гротескного мира в романе В. Сорокина "День опричника" (2006 г.). В произведении воссоздан один день высокого государственного чиновника России 2027 года, опричника Комяги. Сюжетная схема "один день из жизни" ассоциативно воскрешает литературную типологию, в ряду которой стоят такие знаковые произведения, как "День Петра" А.Н. Толстого, "Один день Ивана Денисовича" А.И. Солженицына. Тема опричнины, разрабатываемая в постмодернистском тексте В. Сорокина, типологически созвучна лермонтовской "Песне про купца Калашникова..." и "Князю Серебряному" А.К. Толстого. При всей идейно-тематической многовекторности названных произведений их объединяет сквозная проблема: природа и формы государственного насилия в истории России.

Произведение В.Сорокина – это образец современной прогностической прозы, роман-предупреждение о пагубных последствиях глобализма, усиления вертикали власти, нравственного релятивизма. В этом аспекте роман представляет собой острый политический памфлет, по наблюдению Б. Соколова, типологически близкий булгаковскому "Собачьему сердцу" [11]. В качестве доминирующей жанрообразующей черты ряд критиков отмечают сатирическую заостренность памфлета [3; 4; 5; 11]. Задачи же автора, по его признанию, лежали не в памфлетно-сатирической, а в философско-художественной плоскости названной проблемы: "Мне кажется, что это все-таки художественное, а не сатирическое произведение. Я не ставил себе никаких политических целей, но если кто-то прочтет повесть как политическую сатиру, я не против. Но я хотел сделать нечто большее, чем политическая

сатира. Цель сатиры – настоящее, а моя повесть – это скорее попытка такой художественной футурологии, осуществляемая при помощи художественных средств" [2].

Специфику жанра произведения критика определяет в регистре гротескных жанров: антиутопия-буфф, фантазмагория (Б. Соколов), сатирический памфлет, футурология (М. Кучерская). Майя Кучерская определяет специфику повести через такую жанровую форму, как "литературная игрушка" гофмановского типа: "Потешник Сорокин выточил роман-матрешку. Золотом сусальным покрытую, синим глазом мрачно подмигивающую" [5]. "Дивный новый мир" России 2027, с его кровавым весельем и уголовным порядком, с нашей точки зрения, проявляет жанровые черты гротескной антиутопии, с присущими ей коннотациями трагического карнавала. "Перед нами антиутопия — и в полном согласии с законами жанра побеждает в ней не разгулье удалое, а сердечная тоска", – отмечает М. Кучерская [5]. Лев Данилкин, подчеркивая гротескно-трагифарсовый характер произведения, характеризует роман как "настоящий, старозаветный сорокинский хит", который "на все сто процентов, состоит из гэгов" [4]. Фольклорно-патриархальные элементы, плотно вошедшие в жанровую парадигму современной русской антиутопии (произведения В. Ерофеева "Попугайчик", Т. Толстой "Кысь") сочетаются с чертами национального и в то же время универсального тоталитарно-государственного механизма.

В романе Сорокина будущее представлено "опрокинутой" вспять, реверсной моделью русской истории. Способом художественного отображения "будущего как прошлого" выступает реалистический гротеск. Гротеск и правда жизни в художественной литературе парадоксально неразделимы. Этот гоголевский посыл, убедительно разработанный в работах Ю. Манна [7], последовательно реализуется в сорокинском "Дне опричника". В. Сорокин обращает на это внимание читателей: "Наша русская жизнь всегда полна гротеска. И на первый взгляд "День опричника" – это супергротеск. Кто-то может сказать, что это все-таки фантастический мир, но если вспомнить реальную опричнину, то это такой же супергротеск, если посмотреть на их ритуалы, на их развлечения, на их бытовую жизнь" [2]. Писатель подчеркивает, что "опричина – очень русское явление" [2]. При всей фантазмагоричности созданной картины, по замечанию Б. Соколова, "самое страшное то, что в нарисованной Сорокиным фантазмагории нет ничего нереального" [11].

По признанию автора, роман задумывался им как "некий мысленный опыт". Писатель решил представить, "что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской?" [2]. Ответ на этот вопрос и вычерчивает концептуальный вектор романа: "России некуда будет погружаться, кроме как в свое прошлое. Это будет вызвано идеологической потребностью, поскольку все героические образы для массового сознания в прошлом, в глубоком прошлом. Но без современных технологий такая идеология будет нежизнеспособна. Поэтому, собственно, из моего умозрительного опыта и выводится такая формула – человек в кафтане, разъезжающий на "Мерседесе" с водородным двигателем" [2].

Природа гротеска в романе, выведенная автором в концептуальном гротескном образе "человека в кафтане на "Мерседесе"", опирается на смешение различных эпох, прошлого и будущего России, патриархальной архаики и научно-технической фантастики, века "золотой Екатерины" и кровавого века Ивана

Грозного, сусального русского патриотизма и космополитического тоталитаризма. А. Гаррос отмечает: "Эпохи, времена, века мешаются и путаются – рядом с шестнадцатым веком всплывает восемнадцатый: Кремль охраняют стрельцы, а сластолюбивая Государыня, любительница молодых гвардейцев, списана с Екатерины Великой" [3]. М. Кучерская дополняет: "Это сознательное смешение: Сорокин изображает тот компот представлений о русской истории, который плещется в головах..." [5].

На особый пафос повествования – пафос героизации опричной вольницы – настраивает посвящение, написанное в стилистике сторонника опричнины: "*Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому, по прозвищу Малюта*" [12, с. 5]. В романе, в альтернативно-исторической сорокинской России, памятник этому думному дворянину, приближенному Ивана Грозного, главе опричного террора и участника многочисленных убийств и бесчинств, – стоит в центре столицы, на Лубянской площади, символизируя государственную вертикаль нового времени, заменившую в обществе вертикаль духовную. Следуя за главным героем, читатель узнает, какой стала Россия к 2027 году, после восстановления монархии и возведения неприступной стены, отгораживающей ее от Запада. Идея "ограждения" в сорокинской России подается гротескно перевернутым синонимом идеи "возрождения".

Альтернативная история страны в романе показана в фокусе одного дня. Закрытый хронотоп актуализирует и классицистическую идею абсолютизма образца 2027 года, и пространственную закрытость России за Великой стеной, и духовную клетку модели "государство под колпаком опричной мафии". "*Вот поэтому-то и выстроил Государь наш стену, дабы отгородиться от смрада и неверия, от кибернетиков проклятых...*" [12, с. 213]. Основой новой экономики является гигантская многоярусная Дорога, по которой из Китая на Запад через Россию идет транзит всевозможных товаров, ибо Поднебесная в третьем десятилетии XXI века стала промышленной кузницей мира, экономически победив европейский и американский экономический диктат.

В антиутопической России 2027 года позднекоммунистический строй плавно перерос в монархию. Кремль побелен, став декорацией России времен Ивана Грозного. Восстановлена средневековая русская сословная система: земские, приказные, стрельцы, опричина. Еда и платье граждан также исконно национальные – репа да каша, кафтаны да сарафаны. Реанимирована система телесных наказаний, включая публичные порки. Приближенная же к царю опричная элита живет с размахом (усадебки, мерседесы-"мерины", джакузи). Прочие граждане живут патриархально скромно (вместо "*поганого импорта*", все только свое, отечественное). Все говорят на "*новоязе*" – стилистической имитации древнерусского языка.

Сюжетная нить романа связывает события одного рабочего дня государева человека Андрея Комяги. В понедельник, начавшийся тяжелым похмельем, у него запланировано много служебных дел: после утренних молитв – сжечь дом изменника родины, вслед за посещением Успенского собора – разобраться с шутами-скоморохами, по делам смотаться в Оренбург и Тобольск, в тот же день вернуться в Москву, чтобы вечером отужинать с Государыней, а ближе к ночи – попариться да разгуляться в баньке с братьями-опричниками.

Комяга проживает типичный день своей жизни, гротескно "переворачивая" один день солженицынского Ивана Денисовича: первый представляет "топор"

тоталитарной власти, а другой – ее жертву. Протагонист романа Андрей Комяга – антиутопический герой "дивного нового мира" образца 2027 года. Он живет так же, как и прочие служилые его звания: неподалеку от Рублевского тракта стоит его госусадьба – с амбаром, конюшней, челядью. Комяга умывается колодезной водой, одевается в черный кафтан, ест пареную репу, слушает радио "Русь", курит сигареты "Родина". По службе и одновременно с особым личным рвением он давит изменщиков, "по-веселому" обходится с их женами, участвует в борьбе за сферы влияния, осуществляет коррупционные сделки, замаливает грехи в Успенском соборе; отрывается в молодецких увеселениях, с наркотиками, садистскими забавами, групповщиной и назидательным круговым убийством. Словом, "достойно" несет государеву службу.

Гротескные художественные детали выразительно характеризуют образ опричника: это и рингтон с записью звуков пытки ("*удар кнута – вскрик, снова удар – стон, третий удар – хрип*" [12, с. 5]), и средство передвижения, наводящее ужас на народ: китайский "Мерседес" со свежотрубленной собачьей головой на решетке капота и метлой на багажнике. Гротескный образ построен на исторически достоверных деталях: опричники времен Ивана Грозного к седлу привязывали собачью голову и метлу, символически опредмечивая свои задачи: "псом выгрызать измену, метлой выметать крамолу". Образы, соединяющие путем гротескных контаминаций атрибуты различных эпох, оставляют неизменной сквозную идею романа – идею опричнины.

Вождь сорокинской опричнины Батя – это новый Малюта Скуратов. Он и его сынки-соратники: Комяга, Потроха, Нечай, Стерна, Потыка, Шелет, Мамона, Охлоп, Комол, Елка, Авила, Обдул, Игла и другие герои повести – олицетворяют собой оплот неомонархической России, где тоталитарный режим густо замешан на классической триаде – самодержавие, православие, народность.

Историческая опричнина не просто эпизод в истории России – это, по убеждению автора романа, исток феномена всевластия насилия, принявшего форму лихой молодецкой забавы. В. Сорокин отмечает: "Опричнина – это очень зловещее и очень русское явление. Когда царь Иван Грозный поделил своих подданных на опричнину и на остальных, дав всю полноту власти опричникам, практически он выделил касту жрецов абсолютной власти, которым все позволено. Эти жрецы имели власть и права более широкие, чем у самых знатных бояр и самого высокопоставленного духовенства. Практически было создано государство в государстве со столицей в Александровой слободе" [2].

В опричнине, разросшейся от "опричного двора" до кровавого политического режима всей России, видит художник в своем романе исток тоталитарной государственной традиции, с парадоксальной неистребимостью проявляющей себя на различных исторических этапах и узнаваемой в различных социокультурных декорациях и костюмах. По меткому замечанию Б. Ардова, страшное слово "опричнина" (опричь, кроме) вполне совпадает с наименованием сталинских лет – "особый отдел", а слово "опричник" в этом контексте соотносится со сталинской лексемой "особист". Опричнина видится автору романа "какой-то неизбежной чертой русской жизни последних пяти с половиной веков, когда закон и народоправство заменяются личной преданностью государю и государственным произволом" [11]. Процессы саморазрушения прослеживаются не только на уровне политической системы, но и на уровне сознания личности, принявшей идею тоталитаризма.

Писатель показывает, что бесконтрольная власть, данная государем опричникам, неотвратимо ведет к распаду личности этих бестрепетных исполнителей государевой воли. История свидетельствует, что за бесчинствами по отношению к народу, последовал разгром самих опричников, среди которых уцелели лишь Малюта Скуратов и Борис Годунов. Смерть Скуратова совпала с упразднением опричнины и погромов. В романе эти тенденции саморазрушения отчетливо показаны: молодые опричники, унаследовав кровавый азарт старшего поколения, начинают проявлять его по отношению к самим же соратникам.

В постмодернистском романе В. Сорокина прослеживается мотив парареальности, вызванной употреблением наркотических средств. Вспомним, что в романе О. Хаксли "О дивный новый мир" таким средством, корректирующим реальность, выступал наркотик "сома". Симулякр, заменяющий действительность, характеризует сознание антиутопического героя Комяги. Наркотическая анестезия официально введена в сорокинской России. *"Государев отец Николай Платонович, в свое время издавший великий указ "Об употреблении бодрящих и расслабляющих снадобий", определил государственную стратегию борьбы против сознания личности. По указу этому кокоша, феничка и трава были раз и навсегда разрешены для широкого употребления"* [12, с. 86]. Во время наркотических оргий опричники воображают себя семиглавым зверем огненным и летят в таком облике за океан жечь безбожную Америку. Образ змея – фольклорно-мифологический символ зла, хаоса срастается в тексте с образом опричнины, становясь ее гротескным символом.

Художественной логикой реализации авторского замысла в произведении выступает абсурд (Б. Соколов). Герой и его подельники выкорчевывает крамолу, по замечанию М. Кучерской, с привычным для сорокинских романов "веселым абсурдистским садизмом" [5]. Формами реализации абсурдной логики становятся черный юмор, перерастающий в макабрический гротеск. Сцены насилия сюжетно реализуют идиоматическое выражение "выгрызть крамолу": за зверской жестокостью опричников проступает образ кровавой охоты стаи хищников, бешеных псов. Гротескность образа проявляется в сращении конкретно-реалистического, человеческого, и аллегорического, звериного, планов. Гротескными средствами в повести создается и типичный образ опричника – человека-системы, человека-зверя, человека-метлы, человека-секиры.

Сорокин опирается на концепцию трагического карнавала, разработанную в ряде исследований С.С. Аверинцева [1] и на традицию скоморошьего антиповедения, представленную в трудах Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского, С.Е. Юркова [6; 13; 14]. Скоморошество стало яркой формой реализации карнавала времен Ивана Грозного. Опричнина в этом аспекте предстает как образ "кромешного" мира. Антиповедение в этом контексте скоморохов граничит с жестокостью и смертью. Такова природа гротеска в изображении опричников у С. Эйзенштейна в фильме "Иван Грозный": ряженые, у которых звериные святочные, масленичные маски срослись с лицами, а формы карнавального антиповедения соединились с повседневной жизнью. Норма и антинорма, культура и антикультура, поведение и антиповедение поменялись местами, превратив действительность в кровавый карнавал.

Постмодернистский текст Сорокина, основанный на семиотическом принципе десемантизации знака, соотносится с картиной распада основ культуры и замещения ее антикультурой, образ "кромешного мира" выражен в традиционных

образах скоморошских забав. Текст одновременно сохраняет "память жанра" (М. Бахтин) и былины (в перевернутом фокусе, с позиции кровавого веселья Соловья-разбойника), и героической песни (в аспекте поэтизации разбойной вольница Степана Разина), и потешной песни (кровавое вино на потешном пиру) и др.

В романе-антиутопии "День опричника" особое значение приобретает проблема деградации литературы и культуры в условиях тоталитаризма. У Сорокина эта важная проекция общественной жизни отображена в образцах эрзац-культуры новой державы. Образ книги в романе традиционно соединен с образом огня и типологически сопоставим, например, с ключевым образом романа Р.Д. Брэдбери "451° по Фаренгейту". Вредные, по заключению опричнины, книги сжигают на площадях. Официальная ясновидящая царского дома в ритуальном огне сжигает книги русской классики: "Идиота" Достоевского, "Анну Каренину" Толстого. Она, как и двор, считает, что книги должны быть исключительно деловые: по печному делу, по плотницкому и др.

Процессу редукции человеческого сознания способствует и "новояз" – неизменный атрибут антиутопической действительности и действенный способ обуздания самой способности мыслить (Дж. Оруэлл "1984"). Великая Русская стена воздвигается не только в геополитике, но и в сознании граждан сорокинской России.

Антиутопический мир в романе создается преимущественно средствами интертекстуального гротеска, который конструируется на основе механизмов переворачивания смысла идиомы, деконструкции и ресемантизация цитаты, смещения семантики "крылатого выражения" в поле контрастного контекста и др. Так, образная аббревиатура "*добромольцы*" (*Союз российских добрых молодцев во имя добра*) [12, с. 108] создается гротескными средствами. Лексема ассоциативно воскрешает советскую идеологему "добровольцы", гротескно переворачивая ее высокий пафос в русло низменности поведения циничных погромщиков, и одновременно былинных "добрых молодцев". Автор использует гротескные парафразы текстов Гоголя ("*Чуден Кремль при ясной погоде!...*" [12, с. 107]), Маяковского ("*Да будь я евреем преклонных годов...*" [12, с. 163]) и др. Автор ресемантизирует цитаты, ставшие "знаками" советской культуры. Так, слова детской песни "*Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко*" – переосмыслено в плоскости генетической связи тоталитарных политических эпох. Популярный советский фильм "Полосатый рейс" переосмыслен в новой гротескной ассоциативной связи: "*Смотришь про то, как львов-тигров на корабле везут, а они из клеток вырываются и людей пугают, и думаешь – вот ведь жили люди русские тогда, во времена Смуты Красной. И не слишком, скажем от нас отличались. Разве что почти все безбожниками были*" [12, с. 115]. Артефакты советской эпохи (фильмы, песни, стихи) в новом, "перевернутом" значении призваны гротескно отобразить связь времен, выявить аналогии.

Характеризуя культуру неомонархической России, автор использует прием идейно-смысловой деконструкции гуманистических истин: "*Вообще, книги хорошо горят, а уж рукописи – как порох*" (аллюзия на текст Булгакова) [12, с. 137]. Гротескным вариантом интертекста является десакрализация библейских истин, кощунственное "переворачивание" библейских цитат. Примером тому может служить "вывернутая" Нагорная проповедь, произнесенная Батей перед опричниками во время бесшабашной гулянки: "*Ибо Спаситель наш стал человеком, чтобы мы с вами, волки сопатые, стали богами, так?*" [12, с. 312]. Отображение лейтмотива идеологии опричнины реализуется и в переворачивании

смыслового вектора народных пословиц, например: "*Конец – делу венец*", где под словом "конец" подразумевается смерть.

Язык повести представляет собой колоритный синтез древнерусской речевой архаики и современного языка в соединении с обценной лексикой, жаргоном и мафиозно-уголовной "феней". Повествовательный дискурс романа строится на языковых играх, в основе которых – стилизация, реконструкция и деконструкция языка. Эксперименты с языком – это подлинно сорокинская стихия. Автор иронизирует над отечественной логоцентричностью: "В его России-2027 язык – предмет неустанных охранительных забот (которые привычно принимают форму физических репрессий), и инструмент властной трансформации реальности, насильственного погружения в "счастливое прошлое", – отмечает М. Кучерская [5]. "Распад языка" как характерное явление постмодернистской эстетики находит свое отражение и на сюжетном уровне: под влиянием наркотиков в финале романа наблюдается распад сознания Комяги и его одурманенных "соразгульников".

Наблюдения над текстом позволяют нам сделать некоторые обобщения по поводу природы гротескной образности в романе. На наш взгляд, гротескная природа художественного произведения обусловлена окюморонным характером междискурсивных сращений. Среди наиболее типичных видов гротескных сращений, характерных для данного текста, назовем следующие:

- историко-культурные (атрибутика эпохи Ивана Грозного перенесена на фактическую действительность отдаленного будущего России 2027 года);
- системно-социальные структуры тоталитарного типа (государственное устройство, средневековая опричнина и современная мафиозно-уголовная макроструктура);
- духовно-религиозные (сращение сакрального и профанного, внешней религиозности и внутренней безбожности опричников);
- ментально-художественные (пересечение высокого искусства и эрзац-культуры, вытеснение искусства примитивом, содержания – профанно-попсовой формой, меркантилизация духовных ценностей);
- языковые (смешение языковых дискурсов: современного, псевдо-древнерусского, жаргонного и обценного; субъектом нарратива становится языковая личность постмодернистской эпохи "деконструкции языка");
- логические (соединение логики и абсурда, действительности и симулякра);
- поэтологические (сращение поэтики жизнеподобия и фантасмагории).

Таким образом, в романе В. Сорокина "*День опричника*" создан концептуальный футурологический образ России по принципу "прошлое как будущее", где временной вектор повернут в мрачное средневековье эпохи Ивана Грозного, к истокам тоталитаризма как государственного механизма. Картину будущего определяют процессы "сворачивания" институтов современной цивилизации, редуцирования форм общественного сознания, замены языка особой псевдо-патриархальной формой – "новоязом". В поэтике доминируют свободная логика немиметических гротескных связей, стилевая эклектика, интертекстуальные и языковые игры.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин: pro et contra Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной

- мысли. Том 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова. – СПб, 2001. – 552 с. – С. 468-483.
2. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление. Интервью В. Сорокина Б. Соколову // Грани.Ру от 01.11.2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.srkn.ru:8080/interview/bsokolov.shtml
  3. Гаррос А. Владимир Сорокин. "День опричника" Новая газета № 68 от 07 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/profile/740/?p=5>
  4. Данилкин Л. Рецензия на книгу Владимира Сорокина "День опричника" [Электронный ресурс]. – М., 2006. – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/book/858/review/152421/>
  5. Кучерская М. День опричника: [Реценз. На роман В. Сорокина "День опричника". – М: Захаров, 2006. – 224 с.]. Ведомости № 151 от 16.08.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zakharov.ru/component/option,com_books/task,show_recenzypage/Itemid,56/rid,424/
  6. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы – СПб.: Алетейя, 1999 / Д.С. Лихачев. – 526 с.
  7. Манн Ю.В. О гротеске в литературе / Ю.В. Манн. – М.: Сов. писатель, 1966. – 268 с.
  8. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов XX века: Монография / А.Ю. Мережинская. – К: ИПЦ "Киевский университет", 2001. – 433 с.
  9. Писатель Владимир Сорокин: "Я против того, чтобы литература учила жить" [Электронный ресурс]. – Известия, 2006 г. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/culture/article3092550/>
  10. Русский абсурд внешне мутирует, хотя внутри не меняется с XVI века: Интервью Кирилла Решетникова с Владимиром Сорокиным [Электронный ресурс]. – Газета, 20.03.2007 г. – Режим доступа: <http://www.srkn.ru/interview/gztru.shtml>
  11. Соколов Б. Старая новая Русь. АПН от 2006-11-01 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article10805.htm>
  12. Сорокин В. День опричника: [роман] / В. Сорокин. – М: Захаров, 2006. – 224 с.
  13. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б.А. Успенский. – М.: Издательство "Гнозис", 1994. – С. 320-332.
  14. Юрков С.Е. Смеховая сторона антимира: скоморошество // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.) / С.Е. Юрков. – СПб: Изд-во СПбургского ун-та, 2003. – С. 36-51.

Анотація

Н. НЕВ'ЯРОВИЧ. ХУДОЖНІ КОНСТРУКЦІЇ ФУТУРОЛОГІЧНОГО ГРОТЕСКУ В АНТИУТОПІЇ В. СОРОКІНА "ДЕНЬ ОПРИЧНИКА"

У статті досліджується проблема гротескової образності в антиутопічному дискурсі сучасної прози на матеріалі роману В. Сорокіна "День опричника"; конкретизується художня семантика футурологічної моделі "минуле як майбутнє" і особливості гротескового хронотопу, аналізуються різні види гротескових зрощень, інтертекстуальні та мовні ігри, елементи абсурду та стильової еkleктики у постмодерністському тексті.

Ключові слова: постмодернізм, абсурд, гротеск, інтертекстуальні образи, мовні ігри.

Аннотация

Н. НЕВЯРОВИЧ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ГРОТЕСКА В АНТИУТОПИИ В. СОРОКИНА "ДЕНЬ ОПРИЧНИКА"

В статье исследуется проблема гротескной образности в антиутопическом дискурсе современной прозы на материале романа В. Сорокина "День опричника"; конкретизируется художественная семантика футурологической модели "прошлое как будущее" и особенности гротескного хронотопа, анализируются различные виды гротескных сращений, интертекстуальные и языковые игры, элементы абсурда и стилиевой эклектики в постмодернистском тексте.

Ключевые слова: постмодернизм, абсурд, гротеск, интертекстуальные образы, языковые игры.

Summary

N. NEVYAROVICH. THE ARTISTIC DESIGNS OF FUTUROLOGICAL GROTESQUE IN ANTIUTOPIA "DAY OF THE OPRICHNIK" BY V. SOROKIN

The article deals with the problem of grotesque imagery in the antiutopian discourse of modern prose, based on the novel "Day of the oprichnik" by V. Sorokin. The author specifies the artistic semantics of futurological model "Past as Future" and peculiarities of the grotesque time-space. He analyzes different types of grotesque fusions, intertextual and language games, elements of the absurd and stylistic eclecticism in postmodern text.

Keywords: postmodernism, absurd, grotesque, intertextual images, language games.